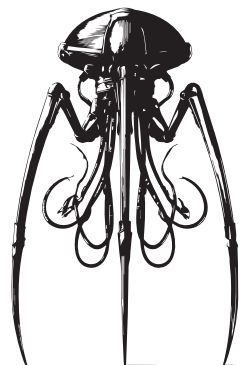


ГЕРБЕРТ
УЭЛЛС
—
ВОЙНА
МИРОВ



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44
У98

Herbert Wells
THE WAR OF THE WORLDS

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Перевод с английского *Эмили Пименовой*
Дизайн обложки *Василия Половцева*

Уэллс, Герберт.
У98 **Война миров / Герберт Уэллс ; [перевод с английского Эмили Пименовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 288 с. — (Мастера магического реализма).**

ISBN 978-5-17-188927-2

«Война миров» — знаменитый научно-фантастический роман Герберта Уэллса, написанный в 1897 году. В центре сюжета — вторжение марсиан на Землю. С огромных цилиндров на территорию Англии высаживаются пришельцы, которые по своему развитию опережают человечество. Марсиане используют боевые трехногие машины, тепловые лучи и черный ядовитый дым, уничтожая все на своем пути. Армия Великобритании оказывается бессильной против этой мощи. Сможет ли человечество пережить вторжение марсиан?

УДК 821.111-82
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-188927-2

© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

Часть I

ПОЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

Глава I

Канун войны

Никто не поверил бы, даже в последние годы девятнадцатого столетия, что за человеческой жизнью на Земле зорко и тщательно наблюдали разумные существа, такие же смертные, как человек, но стоящие на более высокой ступени развития, и что в то время, когда люди занимались своими повседневными делами, за ними следили и изучали их так же подробно, как человек изучает в микроскопе кратковременную жизнь существ, живущих и размножающихся в капле воды. С безграничным самодовольством сновали люди взад и вперед по земному шару, занимаясь своими маленькими делами, в счастливой уверенности в своем господстве над материей. Возможно, что и инфузории, видимые

в микроскоп, ведут такое же суетливое существование.

Никому не приходило в голову, что человечеству может грозить опасность со стороны старых миров, и даже самое предположение о возможности жизни на них отвергалось как нечто неправдоподобное. Любопытно припомнить теперь некоторое из ходячих мнений минувших уже дней.

Обитатели Земли допускали, что на Марсе могли жить живые существа, низшие по своему развитию, которые с радостью приветствовали бы нашу попытку исследовать их планету. А между тем по ту сторону зияющего мирового пространства за нами наблюдали умы, превосходящие нас так же, как ум человека превосходит ум животного, и завистливыми, враждебными глазами смотрели на нашу Землю. Они обдуманно и с верным расчетом ковали планы против нас, и вот в начале двадцатого века настал для людей момент великого разочарования.

Мне едва ли нужно напоминать читателю, что планета Марс вращается вокруг Солнца на расстоянии приблизительно 140 000 000 миль и получает от него лишь половину того количества тепла и света, какое получает Земля. Если гипотеза туманного образования имеет хоть какое-нибудь основание, то Марс должен быть старше нашей Земли, и задолго до того, как застыла земная кора, на поверхности Марса уже началась жизнь. Тот факт, что он едва достигает объема Земли,

должен был ускорить его охлаждение до той температуры, при которой могла возникнуть жизнь. Не нужно также забывать, что Марс обладает водой и воздухом и всем необходимым для поддержания животного организма.

Но так велико тщеславие человека и так он им ослеплен, что до конца девятнадцатого столетия ни один из писателей не подошел даже близко к мысли о возможности развития умственной жизни на Марсе, а тем более — что оно могло обогнать развитие ее на Земле. Однако из фактов, что Марс старше нашей Земли, что поверхность его равняется только четвертой части ее поверхности и он более удален от Солнца, не было все-таки сделано естественного заключения, что он не только больше отдален от начала жизни, но и ближе к ее концу.

Вековой процесс охлаждения, предстоящий когда-нибудь и нашей планете, зашел уже довольно далеко на Марсе. И хотя его физические свойства представляют в целом еще тайну, но нам известно теперь, что даже в его экваториальных областях средняя температура еле-еле достигает температуры нашей самой суровой зимы. Воздух на Марсе более разрежен, чем у нас, а уровень воды в его морях настолько понизился, что они покрывают теперь едва ли более трети его поверхности, во время же длительной смены времени года на его полюсах образуются огромные залежи снега, которые при таянии периодически затопляют его умеренные пояса.

Эта последняя стадия умирания, еще невероятно отдаленная от нас, стала для обитателей Марса злободневным вопросом. Гнет близкой опасности изошрился их умы, увеличил их силы и ожесточил их сердца. И вот, обозревая мировое пространство, вооруженные умом и такими инструментами, о которых мы еще и не мечтали, они увидали в ближайшем от них расстоянии, всего в 35 000 000 миль по направлению к Солнцу, зарю надежды — нашу, более теплую, планету, покрытую растительностью, с синеющей массой воды, окруженную облачной атмосферой, что свидетельствовало о плодородии ее почвы. Сквозь просветы между бегущими облаками они увидели широкие пространства населенных стран и узкие полосы усеянных судами морей.

Мы же, люди, населяющие эту планету, не казались ли им такими же чуждыми и низшими существами, какими нам кажутся обезьяны и лемуры? Ум человеческий допускает, что жизнь есть непрерывная борьба за существование. По-видимому, это мнение разделялось и обитателями Марса. Охлаждение их планеты значительно подвинулось вперед. На Земле же еще кипела жизнь, но населена она была существами низшего порядка. И единственным способом для марсиан избавиться от гибели, которая из поколения в поколение все ближе подвигалась к ним, было переселиться ближе к Солнцу, то есть завоевать Землю.

Прежде чем осудить их слишком строго за это, мы должны припомнить, как безжалостно и жестоко наша собственная раса уничтожала не только животных, как, например, исчезнувших бизонов и додо, но и низшие человеческие расы.

Тасманийцы, несмотря на свой человеческий облик, были стерты с лица земли европейскими переселенцами в течение лишь пятидесяти лет. Такие ли мы апостолы милосердия, чтобы иметь право роптать на то, что марсиане задумали вести такую же войну и против нас?

Свое нападение на нашу планету марсиане рассчитали с поразительной точностью — их математические познания, по-видимому, далеко превосходят наши! — и с полным единодушием довели свои приготовления до конца. Обладая мы более совершенными инструментами, мы бы уже в начале девятнадцатого столетия заметили надвигающуюся на нас опасность. Такие ученые, как Скиапарелли, наблюдали красную планету — кстати сказать, как это ни странно, Марс испокон веков считался звездой войны, — но они были не в состоянии объяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они с такой точностью наносили на карты. В течение всего этого времени марсиане готовились к войне.

Во время противостояния в 1894 году был замечен яркий свет на освещенной стороне диска Марса, сначала Ликской обсерваторией, потом

Перретином в Ницце, а позднее также и другими наблюдателями. Англичане прочли об этом впервые в одном из номеров «Nature» 2 августа. Я придерживаюсь того мнения, что появление этого яркого света объясняется взрывом пушки, помещенной в одной из глубоких скважин их планеты, откуда они потом и стреляли в нас. Станные, еще до сих пор не получившие объяснений пятна были замечены вблизи этого взрыва во время двух следующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет тому назад. Когда Марс стал приближаться к противостоянию, Лавелль на Яве привел в движение все телеграфные проволоки астрономических соединительных станций, чтобы сообщить о невероятном взрыве раскаленных газов на Марсе. Это произошло 12 августа, около полуночи. Спектроскоп, к которому он тотчас же обратился, показал массу горящего газа, преимущественно водорода, который с невероятной быстротой несся с Марса к Земле. Около четверти первого этот огненный поток стал невидим. Лавелль сравнил этот чудовищный огненный столб, внезапно вырвавшийся из недр планеты, с вырывающимся из пушки при выстреле горящим газом.

Это сравнение оказалось удивительно точным. На следующий день в газетах не было больше никаких сообщений об этом удивительном явлении, исключая маленькую заметку в «Daily Telegraph». Мир пребывал в неведении относительно величайших опасностей, когда-либо уг-

рожавших человечеству. Может быть, я ничего не знал бы об извержении, если бы не встретился с известным астрономом Огильви в Оттершоу. Он был ужасно взволнован явлениями на Марсе и предложил мне заняться совместно с ним ночью наблюдениями над красной планетой.

Несмотря на все пережитое мною с тех пор, я ясно помню все мельчайшие подробности этого ночного бдения: темное, безмолвное здание обсерватории, затененный фонарь, отбрасывающий слабый свет на пол в углу, непрерывное тиканье часового механизма в телескопе и узкую щель в потолке в виде продолговатого углубления, через которое видно было небо с рассыпанными на нем звездами. Огильви ходил взад и вперед по комнате, невидимый мне, но слышимый. Когда я посмотрел в телескоп, то увидел темно-синий кружок неба и маленькую круглую планету на нем. Она казалась такой ничтожной и спокойной, и на ней слабо обозначались поперечные полосы. Чуть-чуть сплюснутая с двух сторон, она отступала от идеально круглой формы. Это была какая-то чуть заметная крапинка света! Она как будто дрожала слегка, но на самом деле это дрожал телескоп от часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Когда я смотрел на планету, мне казалось, что она то увеличивается, то уменьшается, то приближается, то удаляется, но это объяснялось просто усталостью моих глаз. Сорок миллионов миль отделяло нас от нее. Значит, более сорока

миллионов миль пустоты. Мало кто может ясно представить себе безграничность пространства, в котором носятся пылинки материального мира.

Недалеко от Марса, в поле зрения, виднелись, я помню, три маленькие светлые точки — три телескопических звезды, бесконечно далекие, а кругом них была непроницаемая тьма пустого мирового пространства. Всем известно, какою глубокою представляется эта темнота в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. Невидимое мною, такое далекое и малое, нечто неслось, посланное нам марсианами, неуклонно и быстро пролетая невероятно огромное расстояние, приближалось ко мне с каждой минутой на многие тысячи миль. Это было то, что должно было принести на Землю столько борьбы, бедствий и смертей. Когда я тогда смотрел, я не думал об этом; да и никто на Земле не думал об этом приближающемся к ней и безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь на Марсе произошел второй взрыв газа. Я наблюдал его. Красноватая вспышка на краю диска, очертания которого были чуть заметны. Это произошло как раз в тот момент, когда хронометр пробил полночь. Я сообщил об этом Огильви, и он занял мое место у телескопа. Ночь была очень жаркая, и мне захотелось пить. Неловко вытягивая ноги, я, ошупью, в темноте направился к маленькому столику, на котором стоял сифон. Огильви между тем

пришел в страшное волнение, увидав волны горящего газа, которые неслись к Земле.

В эту ночь второй невидимый снаряд полетел с Марса на Землю, ровно через двадцать четыре часа, без одной или двух секунд после первого. Помню, я сидел у стола, и красные и зеленые круги мелькали у меня перед глазами. У меня не было спичек, чтобы закурить папиросу, и это раздражало меня. Я совсем не думал о значении слабой вспышки, только что виденной мною, и не подозревал всего того, что она принесет мне с собой. Огильви продолжал свои наблюдения до часу, а потом мы зажгли фонарь и направились к нему домой. Внизу, под нами, лежали Оттершоу и Чертси с их сотнями мирно спавших людей.

Всю ночь Огильви строил разные предположения о свойствах Марса и смеялся над идеей, что на нем есть живые существа, сигнализирующие нам. По его мнению, на Марсе могло происходить сильное вулканическое извержение, или же это были метеориты, падающие на планету. Он обратил мое внимание на неправдоподобность предположения, что на двух соседних планетах органическая эволюция могла пойти одним и тем же путем.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекоподобных существ, — говорил он мне.

Сотни наблюдателей видели на Марсе огонь в эту ночь и в следующую ночь около полуночи,

и так десять ночей кряду. Почему после десятой ночи выстрелы прекратились, никто на Земле не пытался объяснить. Возможно, что газы, образовавшиеся при выстрелах, были причиной их прекращения. Густые облака дыма или тумана, казавшиеся даже в самый сильный телескоп маленькими серыми движущимися пятнышками, заволокли ясную атмосферу Марса и скрыли от нас его очертания.

Даже газеты обратили наконец внимание на эти явления. Повсюду появились популярные статьи о вулканах на Марсе. Я помню, что юмористический журнал «Punch» сделал удачное применение этой темы в политических карикатурах. А неведомые для всех снаряды, посланные марсианами, неслись тем временем к Земле через бездну пустого пространства, приближаясь с каждым днем и часом. Теперь мне кажется почти невероятным, как могли люди заниматься своими маленькими делами под занесенным над ними мечом. Помню еще, как ликовал Маркгэм оттого, что ему удалось достать новую фотографию Марса для иллюстрированной газеты, которую он собирался издавать. Люди последнего поколения не могут даже представить себе того ажиотажа и духа предприимчивости, который царил в газетном мире в девятнадцатом столетии. О себе же скажу, что в то время я был занят упражнениями в езде на велосипеде и печатанием своих статей в различных журналах о вероят-

Война миров

ных формах развития моральных идей в период прогрессирующей цивилизации.

Однажды вечером (первый снаряд марсиан был в то время не более как в 10 000 000 миль расстояния от нас) я вышел с женой погулять. Небо было звездное, и я объяснял ей знаки зодиака. Я показал ей также Марс, маленькую светящуюся точку, которая подвигалась к зениту и на которую теперь было направлено столько телескопов.

Была теплая ночь. Нас обгоняли группы гуляющих из Чертси и Излеворта, с музыкой и пением. В верхних этажах домов, в окнах, виднелся свет; их обитатели ложились спать. Издали, со станции железной дороги, доносился грохот маневрирующих поездов. Смягченный расстоянием, он казался почти мелодичным. Моя жена обратила мое внимание на блеск красных, зеленых и желтых сигнальных огней, выделявшихся на темном фоне неба. Все кругом дышало таким покоем, такой безопасностью!..

Глава II

Падающая звезда

Но вот наступила ночь первой падающей звезды. Ее видели рано утром, когда она, описав огненную линию, пронеслась высоко над Винчестером, по направлению к востоку. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенную падающую звезду. Альбин, описывая ее, говорил, что она оставила после себя зеленоватый след, светившийся в течение нескольких секунд. Деннинг, один из величайших наших авторитетов по метеорологии, определил высоту ее полета в девяносто или сто миль. Он предполагал, что она упала на Землю приблизительно миль за сто от того места, где он находился в тот момент.

В это время я был как раз дома и писал у себя в кабинете, и, хотя окна мои выходили на Оттершоу и шторы были подняты (в эти дни я любил наблюдать ночное небо), я все же ничего не заметил. А между тем этот странный предмет — самый странный из всего, что когда-либо попадало из воздушных сфер на Землю, — должен был упасть именно тогда, когда я сидел у себя, и я бы его увидел, если бы поднял глаза, когда он пролетал.

Те, кто его видел, утверждали, что его полет сопровождался свистящим звуком. Сам я этого не слышал. Многие в Беркшире, Суррее и Миддлсексе видели его падение, но подумали, наверно, что это опять упал метеорит. В эту ночь никто не потрудился пойти посмотреть на упавшую массу.

На следующий день Огильви, который видел эту падающую звезду, поднялся на заре. Он был уверен, что это был метеорит, и надеялся найти его лежащим где-нибудь на полях между Горселлем, Оттершоу и Уокингем. И действительно, он вскоре нашел его невдалеке от песочных ям. Кругом со страшной силой был разбросан песок и мелкий гравий, которые образовали довольно большие кучи, видимые за полторы мили. К востоку от этого места горел вереск, и дым тоненькой голубой струйкой поднимался к утреннему небу.

Сам же таинственный предмет лежал глубоко в песке, среди разбросанных щепок сосны, которую он раздробил при своем падении. Та его часть, которая выступала наружу, имела вид гигантского цилиндра, сплошь покрытого толстой, чешуевидной, темно-коричневой корой, совершенно скрывавшей его очертания. Величина его в диаметре была приблизительно ярдов тридцать. Подойдя ближе к лежащей массе, Огильви был крайне поражен ее величиной и еще больше ее формой, так как метеориты имеют обыкновенно более или менее закругленную форму.

Но подойти к метеориту близко было невозможно, так как он еще не остыл после своего